
 НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЕЩЕ РАЗ О ТЕРМИНАХ

© 2016 г. Александра Матвеевна Нечаева¹

В статье анализируется понятие “термины”, обращается внимание на их особенности, приводятся конкретные примеры смешения разных по своей сути, назначению терминов: “защита и охрана”, “дети и детство”, “беспризорный” и “безнадзорный”, подчеркивается, к чему ведет превратное представление о термине “ювенальная юстиция”.

The article doted to the analysis of the definition “term” and their and their specifics. Examples of misuse of terms different in their essence is given, including: protection and defense, children and childhood, neglected child and vagrant child. The results of the perverse use of the term “juvenile justice”.

Ключевые слова: термины, понятие, защита, непризорный, безнадзорный, органы опеки и попечительства, судебная деятельность.

Key worlds: terms, definition, protection, defense, neglected, vagrant, care and guardianship authorities, judicial activity.

Прежде чем спорить, надо разобраться в терминах – эти слова приписывают известному философу Франции XVIII в. Ф. Вольтеру, посвятившему свои труды и правовым проблемам². Близка к высказанному и другая его мысль: “Когда мы прониклись идеею, когда ум хорошо овладел своей мыслью, она выходит из головы вполне вооруженно подходящими выражениями, облеченными в подходящие слова”³. Внимание к терминам не обошло и российское правоведение. Так, в Своде замечаний на проект Устава об опеках и попечительствах 1894 г. говорилось: “Необходимым условием для правильного понимания закона является точность его терминологии”⁴. Что же качается рассуждений о терминах вообще, касающихся в основном философских, схоластических терминов, то считалось, что “совокупность прочно установленных в данной науке терминов образует терминологию данной науки”⁵, представляющую самостоятельную науку, составляющую предмет исследования многих ученых.

Со временем по мере количественного роста законов, подзаконных актов, усложнения процесса правового регулирования множества различных общественных отношений понятие “термины” не просто не исчезло из поля зрения правоведов, а стало универсальным, широко употребляемым в разных смыслах, что затрудняло и правоприменение, не позволило дать четкое обозначение цели, которая была заложена в самом законе. Этому способствовало и само современное определение понятия “термины” (от лат. terminus – предел, граница), относящегося к слову (сочетанию слов), которое было “точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной

области науки, общественной жизни и т.п.”⁶. В свое время это слово имело аналогичное определение как “слово, являющееся названием строго определенного понятия”⁷. Отсюда делается вывод, что термины представляют собой словесную оболочку, содержащую одно или несколько слов, выражающих определенное понятие, что позволяет наполнить его разным содержанием в зависимости от характера общественных отношений, к которым он применим⁸. Необходимо, однако, не забывать, что терминологическая точность, исключение неопределенности и путаницы в терминах и понятиях – одно из важнейших условий продуктивного поиска и взаимного понимания исследователей и практиков⁹. А применительно к правовой материи уместны следующие соображения: “Язык законодательных актов должен быть доступен, а понятийный аппарат и соответствующие термины строго выверены”¹⁰, несмотря на то что, по утверждению Н.Н. Тарусиной, “дефиниции, как правило, носят условный характер, нередко приурочены к реализации специальных целей, не могут охватить своим описанием признаков, пусть и существенных, всю многократность объектов”¹¹.

Даже столь краткая характеристика слова “термины” позволяет заметить, что речь идет о понятии, которое тождественно слову “термины”. Именно понятие находит свое отражение в словах, в данном случае обозначаемых как “термины”. Их объединяет и то обстоятельство, что определение понятия, как заметил известный дореволюционный теоретик права Г.Ф. Шершеневич, “всегда достигается ограничением по отношению к другим понятиям”¹².

¹ Главный научный сотрудник сектора гражданского права, гражданского и арбитражного процесса Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор (E-mail: igpran@igpran.ru). Alexandra Nechaeva, chief researcher of sector the civil Law, civil and arbitration process, Institute of state and law of RAS, Doctor of Law, Professor (E-mail: igpran@igpran.ru).

² См.: Вольтер Ф.М. Избр. произведения по уголовному праву и процессу. М., 1956.

³ Вольтер Ф.М. Антология мудрости. М., 2010. С. 724.

⁴ Свод замечаний на проект Устава об опеках и попечительствах. СПб., 1894. С. 3.

⁵ Энциклопедический словарь. Т. XXXII. СПб., 1901. С. 958.

⁶ Большой толковый словарь русского языка (БТС). СПб., 2006. С. 1318.

⁷ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1949. С. 689.

⁸ См.: Лидкасистый П.И., Загвязенский В.И. Педагогика. М., 2009. С. 14.

⁹ Там же.

¹⁰ Самойлова М.В. Признание несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, полностью дееспособным по законодательству стран Содружества Независимых Государств // Вестник Тверского гос. ун-та. 2008. № 30/90. С. 113.

¹¹ Тарусина Н.Н. Ребенок в пространстве семейного права. М., 2014. С. 54.

¹² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права (По изд. 1910–1912 гг.). Т. 1. Вып. 1. М. С. 45.

Отсюда другое более существенное сходство слов “понятие” и “термины”, которое заключается в необходимости их ясности, точности, имеющей прямое, непосредственное отношение к регулируемым правоотношениям. Она нужна и потому, что “органическое представление об обществе состоит в приравнивании общества к организму”. Причем сравнение общества с живым телом встречается уже в древности. “Как и организм, общество подвержено болезням и смерти”¹³. Чтобы его излечить, требуется как можно более точный диагноз, роль которого в болезнях общества играет термин. Здесь терминологический туман не только бесполезен, но и вреден, и способен, что не менее существенно, породить напрасные финансовые потери государства. Это касается целого ряда широко распространенных терминов. Речь идет о защите-охране, ювенальной юстиции, детстве, правах ребенка, безнадзорности.

В одних случаях защита и охрана понимаются как тождественные термины, в других трактуются по-разному, подчас смешиваются, что можно объяснить тем обстоятельством, что в законодательстве определение данных понятий отсутствует. Не отличается оно ясностью и в п. 1 ст. 38 Конституции РФ, где сказано: “Материнство и детство, семья находятся под защитой государства”. На наш взгляд, было бы точнее сказать: “Материнство и детство, семья находятся под охраной государства”, поскольку охрана представляет собой создание условий для реализации прав, тогда как защита предназначена именно для его защиты. Причем охрана, как правило, осуществляется с помощью совокупности различных отраслей права, так или иначе способствующих созданию условий, благоприятных для существования права, а защита прав, обозначенных в том или ином законе, реализуется в случае их нарушения. Обычно охране служат нормы финансового, административного права, а защите – правила, включенные в текст закона, регулирующего те или иные конкретные правоотношения, связанные с конкретным правом. Вместе с тем прав В.В. Субочев, полагая, что “охрана законных интересов” – понятие более широкое, чем защита. Охрана интересов “заключается в регулятивном потенциале всей совокупности существующих норм, обеспечивающих реализацию законных интересов, которая не обязательно связана с нарушением или оспариванием”¹⁴. О защите мы можем говорить лишь в случае их ущемления, создания препятствий на пути реализации последних при обращении заинтересованного субъекта в компетентный орган. К сказанному добавляется: “средства, обеспечивающие охрану прав и интересов, – это меры предупредительного, профилактического характера”¹⁵. Занятая автором позиция отражает взгляд большинства специалистов в области теории права, которая сводится к формуле: “охрана есть совокупность мер, которые обеспечивают нормальный ход реализации прав”¹⁶. К тому же некоторые авторы считают охрану необходимым условием для осуществления субъективных прав. Это, надо полагать, не всегда так. Трудно согласиться и с мнением В.В. Субочева, что “защита интересов, в некотором роде, производна от охраны”¹⁷. Таким образом, господствует утверждение о несходстве понятий “защита” и “охрана”, которое не вызывает возражений еще и потому, что не носит умозри-

тельного характера. Действительно, на практике термины “защита” и “охрана” не совпадают, хотя несомненно находятся в тесной взаимосвязи и сложной, но очевидной зависимости: не будет условий для существования права, его защита станет затруднительной, а то и невозможной, что крайне нежелательно, например, когда приходится иметь дело с защитой прав несовершеннолетних детей, особо в том нуждающихся.

В последние годы предметом споров стал термин “ювенальная юстиция”, вызванный в корне не совпадающим, сугубо противоположным пониманием данного словосочетания. В общественном проекте Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. термин “ювенальная юстиция” в широком смысле понимается как “совокупность правовых механизмов, предназначенных для защиты прав, свобод и законных интересов ребенка”. В узком смысле слова это – “специализированная система органов, осуществляющих правосудие по делам о правонарушениях несовершеннолетних”. И здесь же дается перечень элементов ювенальной юстиции, не совместимых с традиционными семейными ценностями. К ним относятся “наделение специализированных органов полномочиями на вмешательство в семейную жизнь граждан, в вопросы воспитания детей и их развитие, установление контроля за семьей, изъятие ребенка из семьи под предлогом защиты прав ребенка и передача его на воспитание в государственное учреждение”¹⁸. Такова не просто официальная трактовка термина “ювенальная юстиция”, но и правило, ориентирующее на столь превратное, ничем не обоснованное указание, свидетельствующее о непонимании смысла ювенальной юстиции, как таковой, представляющей собой, в частности, судебную процедуру, одну из ее разновидностей. Но в данной концепции такая установка преподносится как нечто большее, выходящее за рамки процедурного характера. При этом она возводится в ранг обязательного понимания, что способствует восприятию данного термина во вред интересам несовершеннолетних, тогда как все должно быть наоборот. Отсюда “демонизация” понятия “ювенальный”¹⁹, ожесточенные споры между “ювенальщиками” и “антиювенальщиками”, когда в ход идет передергивание смысла термина “ювенальная юстиция”, которая якобы сводится к запугиванию родителей и даже власти. В первом случае внедряется идея, что государство в лице органов опеки сможет вторгаться в жизнь любой семьи, будет отбирать детей “за бедность” и помещать их в детские дома. Во втором – “пугают власть: введение ювенальных законов грозит политическому строю и стабильности, порождает беспредел, охоту за детьми”²⁰. Налицо далекое от серьезного, научного обоснования утверждение о несостоятельности и даже опасности ювенальной юстиции. По сути имеют место рассуждения на бытовом уровне, которые всячески распространяются и становятся даже правовой позицией. Отсюда “противодействие отдельных слоев общественности внедрению ювенальной юстиции”²¹, тогда как ювенальная юстиция есть в основном судебная деятельность по делам несовершеннолетних, оказавшихся в состоянии конфликта с законом. При этом принимается во внимание своеобразие совершеннолетия личности, особенно раннего юношеского возраста, что требует

¹³ Там же. С. 99, 100.

¹⁴ Субочев В.В. Законные интересы. М., 2008. С. 430.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ситкова Л.Ю. Проблемы терминологии Конституции РФ и Семейного кодекса РФ в сфере защиты семейных прав // Вестник Тверского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 292.

¹⁷ Субочев В.В. Законные интересы: основы теории // Гос. и право. 2009. № 5. С. 20.

¹⁸ Российская семья в цифрах и фактах. Ч. II. Кн. 3. Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Общественный проект). М., 2013. С. 221, 222.

¹⁹ См.: Росс. газ. 2012. 26 сент.

²⁰ Там же.

²¹ Автономов А.С. Ювенальная юстиция. М., 2009. С. 125.

“широкого применения неюридических знаний и методов”²², тем более что процесс ее социализации еще не завершен, а возможно, и проходит в условиях, отнюдь не способствующих усвоению адекватных ценностей и моделей поведения (например, в семье людей, страдающих алкоголизмом, или в среде беспризорников). Ребенок может неверно оценивать свое поведение и не вполне отдавать себе отчет в том, что касается последствий его действий для других лиц и для него самого. Для ювенальной юстиции “существенно соблюдение принципа деформализации, насколько это возможно, судебного процесса”, поскольку он является стрессом для любого человека, влечет за собой отчуждение человека от происходящих событий и даже от собственных интересов, что особенно сильно негативно сказывается на ребенке²³. Таков далеко не полный, научно обоснованный перечень признаков ювенальной юстиции в неискаженном ее понимании. К тому же, что еще очень важно: ювенальную юстицию по праву считают восстановительной, поскольку ее цель – реабилитация несовершеннолетнего, создание условий для его дальнейшей социализации, позволяющей ему в дальнейшем не быть изгоем общества.

Полемика по поводу достоинств, недостатков ювенальной юстиции сопутствует неясность подхода государства в целом к внедрению ювенальной юстиции, без чего трудно определиться с обозначающим ее термином, лишенным всякой неопределенности. Но, надо полагать, существующий на этот счет разнобой будет все-таки устранен, поскольку создание дружественного ребенку правосудия входит в число задач, фигурирующих в Указе Президента РФ “О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы” от 1 июня 2012 г.²⁴

Смешение терминов “дети” (в единственном числе – “ребенок”) и “детство” относится к распространенным событиям. Причина тому – оба понятия относятся к числу универсальных, каждое из которых трактуется и в науке по-разному. “Детство” понимается как элемент культуры, как способ существования и трансмиссии культуры, как особая субкультура общества²⁵. Б.М. Рыбинский, один из руководителей института детства, считал детство своего рода феноменом. Что же касается правовой сферы, то о смешении терминов “дети”, “детство” свидетельствует текст ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, где детство представлено только как объект защиты, а не охраны. Таков и текст п. 1 ст. 1 Семейного кодекса РФ, где определяются основные начала семейного законодательства (в этом кодексе фигурирует только термин “ребенок” и перечисляются все возможные способы защиты его семейных прав). В одном контексте употребляются рассматриваемые термины даже в нормативных актах высокого уровня, например в вышеназванном Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г., где речь идет, с одной стороны, о детях, об интересах, правах детей, об основных направлениях и задачах государственной политики в интересах детей, с другой – о вопросах в сфере детства, основных проблемах в сфере детства, его многоуровневой защиты. К тому же используется словосочетание “защищенное детство”, которое применимо повсюду, даже там, где говорится лишь о детях. Причем термины (понятия) подлежат уточнению, нет детства, как такового.

Тем не менее, все-таки к числу бесспорных относится понимание детства как определенного возрастного этапа

развития человека, который ассоциируется с его несовершеннолетием. Не случайно поэтому проф. И.С. Кон внес в довольно сложное свое определение детства следующие соображения: “натуралистически ориентированное обыденное сознание, склонное воспринимать и воспитывать детство и юность как инвариантные стадии развития человека”²⁶. Именно в это время дети нуждаются в благоприятных условиях развития, которое обеспечивается медициной, материальной поддержкой семьи и, словом, всем, что “окружает” человека с момента появления его на свет. Иначе говоря, при этом используются в случае необходимости самые разнообразные способы помощи и “лечения”. Другое дело – ребенок (дети), его права. Он наделяется вполне конкретными правами как возможностью действовать определенным образом. В области семейного права это – право жить и воспитываться в семье, которое нуждается в защите в случае его нарушения. Всякого рода правовой туман здесь не уместен, но способен привести к искажению подходящего термина, т.е. диагноза со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями.

Еще один пример путаницы в терминах касается слов “безнадзорный” и “беспризорный”. Одна из причин ее возникновения в одинаковом по своей сути понимании подобных терминов, когда беспризорник есть лишенный родительского внимания и заботы, оставленный без ухода, присмотра, заброшенный несовершеннолетний²⁷. В Федеральном законе “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” от 24 июня 1999 г. (в ред. от 7 мая 2013 г.) также дается их определение. К первому относится “несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц”. А беспризорный как безнадзорный, не имеющий места жительства и (или) места пребывания”. Получается, что беспризорный и есть безнадзорный, тогда как между этими терминами существуют серьезные, принципиальные различия, и, соответственно, они отражают неодинаковую социальную болезнь, требующую разного диагноза, т.е. использования неодинаковых терминов как средств “лечения” так называемой социальной болезни. Из предлагаемого определения следует, что безнадзорность есть результат отсутствия как по объективному, так и по субъективным причинам неисполнения родительских обязанностей. Другими словами, недосмотр со стороны родителей за поведением своих детей. Причиной такого недосмотра в некоторых случаях может стать попадание некоторых несовершеннолетних в число беспризорных, в корне отличающихся от безнадзорных. Внешняя схожесть рассматриваемых терминов не означает их сходства по своей сути. Оказавшиеся без соответствующего надзора со стороны родителей несовершеннолетние, количество которых не поддается определению, – проблема сугубо педагогическая и разрешается прежде всего благодаря соблюдению правил педагогики. На этот счет существует множество рекомендаций педагогического свойства, предназначенных для родителей, лиц, их замещающих, воспитателей, педагогов.

Другое дело – беспризорность, которая изучалась не только в 20-е годы прошлого века. Она стала предметом внимания и много позже. Еще в 80-е годы независимая комиссия по международным гуманитарным вопросам считала беспризорность феноменом, социальной болезнью, глубоко

²² Там же. С. 8.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ См.: Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

²⁵ См.: Кон И.С. Междисциплинарные исследования. Возрастной символизм и образы детства. Ростов н/Д., 2006. С. 311.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: Большой толковый словарь. С. 74.

затрагивающей суть отношений в обществе, а также правительственной политики²⁸. Столь серьезный вывод объясняется тем, что несовершеннолетний беспризорник существует там, где человек жить не может (на необитаемых чердаках, в подвалах, в канализационных трубах и т.д.). Средства к жизни беспризорник добывает доступным для себя способом (на свалках, помойках) или путем краж. Для беспризорника характерно полное прекращение всякой связи с родителями, родственниками, прежними друзьями и, главное, с обществом, отчего он находится в социальном вакууме. Поэтому для него не существуют никакие законы, предназначенные для всех граждан. Живут они по своим неписаным законам и того коллектива, в который они попадают, где свои авторитеты, своя мораль, своя правда. Все это, вместе взятое, превращает беспризорника в источник опасности для общества, тем более что его жизненные цели смещаются в сторону психологии комфорта, сиюминутных удовольствий наживы. А усваивать более сложные формы социального поведения

²⁸ См.: Дети улицы. Растущая трагедия городов. Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. М., 1990. С. 34.

беспризорный уже не способен. В результате наступает деградация личности несовершеннолетнего, которого теряет не только семья, но и общество.

Отличает беспризорность как опасное социальное явление и то обстоятельство, что борьба с беспризорностью находится в исключительном ведении карательных и надзирающих органов внутренних дел.

Все перечисленные признаки беспризорности чаще всего существуют в совокупности.

Таким образом, налицо явно не совпадающие по своей сути термины, хотя между ними есть очевидная связь: начальной стадии такой социальной болезни, как беспризорность, может послужить безнадзорность, тем более что некоторые признаки беспризорности и безнадзорности внешне схожи. Напрашивается вывод, что все рассматриваемые термины, в том числе и встречающиеся в иных областях правоотношений, входят в число тех, что нуждаются в ясности, уточнении и упорядочении их правового содержания. Поэтому возникает вопрос: не рано ли сдана в архив такая наука, как терминология?